

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХИКЕ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ

Михаил Михайлович Решетников

Восточно-Европейский институт психоанализа,
197198, г. Санкт-Петербург, Большой пр. Петроградской стороны, 18-А, veip@yandex.ru

Реферат

Проблема психики и сознания на протяжении двух последних тысячелетий остаётся одной из самых загадочных и всё ещё нерешённых. Сейчас уже мало кто вспоминает, что лишь Аристотель считал психику структурой, не принадлежащей к телу. Однако эта идея имела очень короткую жизнь. Гиппократ похоронил её и на все последующие столетия провозгласил, что вместимостью всех психических процессов служит головной мозг. Даже такой гений, как Рене Декарт, поверил Гиппократу безоговорочно и потратил месяцы, пытаясь найти память и эмоции в извилинах и желудочках мозга. По этому же пути — поиску материальных структур психики — пошли И.М. Сеченов, И.П. Павлов и многие другие. В последующем рождались, объявлялись новыми, революционными и умирали, не успев состариться, аналогичные ошибочные идеи. Однако умирали не только идеи, но и пациенты, которых пытались лечить гипотетическими методами. Автор формулирует идею о мозге, как биологическом интерфейсе, и обосновывает нематериальную теорию психики, которая претендует на роль открытия и потребует смены ряда основных парадигм в науках о человеке.

Ключевые слова: биологический интерфейс, информация, мозг, нервы, психика, психопатология, психофармакология, структуры мозга, структуры психики.

MODERN IDEAS ABOUT THE PSYCHE:
CHANGING OF THE PARADIGM

Mikhail M. Reshetnikov

Eastern-European Institute of Psychoanalysis,
197198, St. Petersburg, Bolshoi highway of Petrograd side, 18-A,
e-mail: veip@yandex.ru

Abstract

The problem of the psyche and consciousness has been the most mysterious one for a few thousand years and is still unresolved. It has been almost forgotten that Aristotle considered human psyche a structure that is not bound to the body. This idea did not persist, though. It was Hippocrates who ruined it and declared a different concept, which prevailed for many centuries, that the brain is a repository of all mental processes. Even such a genius as Rene Descartes took Hippocrates's idea for granted and spent many months in attempts to find memory and emotions in gyrus and ventricles of the brain. This path — the search of material structures of the psyche — was followed by I.M. Sechenov, I.P. Pavlov and many others. Later, many other mistaken ideas were born, declared new and revolutionary ones and died prematurely. However, not only ideas died, but also patients, who were treated by methods developed on the basis of these hypotheses. The author formulates the idea of the brain as the biological interface and proves a non-material theory of the psyche, which is a discovery that requires a change in basic paradigms of human sciences.

Keywords: biological interface, information, brain, nerves, psyche, psychopathology, psychopharmacology, brain structures, psyche structures.

Вместо введения

Начнём с трудно воспринимаемой идеи Аристотеля. Аристотель считал нелепым, что некоторые «философы связывают душу с телом и помещают её в него». Одновременно с этим он признавал, что именно душа управляет живыми существами, но управляет именно мыслью. Характеризуя это вопрос как наиболее сложный для понимания, Аристотель поясняет дополнительно: «Мы говорим, что душа скорбит, радуется, дерзает, испытывает страх, далее, что она гневается, размышляет»... Но далее Аристотель уточняет: «Между тем сказать, что душа гневается, — это то же [самое], что сказать — душа ткёт или строит дом». То есть, когда говорят, что человек совершает какие-то душевные усилия или движения, — это неверно. Само движение не находится в душе, «оно то доходит до неё, то исходит от неё; [так же] как восприятие от каких-то вещей доходит до неё, а воспоминание — от души к движениям или их остаткам в органах чувств» [1]. Почти уверен, что многим эти цитаты показались маловразумительными или даже непонятными. Остановимся на этом обращении к Аристотелю, но мы обязательно вернёмся к нему в конце этой статьи.

Часть I

Идеи имеют самостоятельную жизнь

Геоцентрическая система мира Клавдия Птолемея, согласно которой Земля находится в центре мироздания, а все небесные тела обращаются вокруг неё, родилась во II веке нашей эры и главенствовала 15 веков. В 1530 г. Николаем Коперником была обоснована гелиоцентрическая система мира, центральное положение в которой занимало Солнце. Однако эта идея выдвигалась гораздо раньше Аристархом Самосским — ещё в IV–III веках до нашей эры. За эту идею он был обвинён в непочитании богов и изгнан из Афин. Нечто подобное происходило и с революционным открытием Коперника, так как новая система мира подрывала основы авторитета церкви — главного куратора науки в тот период. От преследования Коперника спасла только его ранняя смерть. Однако преследование сторонников его теории продолжалось ещё

долго. За распространение учения Коперника в 1600 г. по решению суда инквизиции был сожжён на костре учёный-монах Джордано Бруно.

Этим экскурсом в историю мне хотелось продемонстрировать, что идеи имеют самостоятельную жизнь, они рождаются, взрослеют, стареют и умирают, чаще всего в мучительной и жестокой агонии, цепляясь за жизнь через своих авторитетных или обладающих реальной властью приверженцев. Но даже умирающие идеи обладают огромной силой и способны убивать. Они способны убивать не только другие идеи, но и людей. Причём в отличие, например, от астрономии, генетики или психоанализа, где реальной казни или остракизму подвергались отдельные учёные-новаторы, в медицине идеи способны убивать не только пропагандистов новых идей, но и тысячи ни в чем не повинных пациентов. Подробнее об этом будет сказано чуть ниже.

Нагруженность теорией

В современной науке такая приверженность устаревшим знаниям о тех или иных явлениях Природы получила наименование «нагруженности теорией», которая влияет не только на интерпретацию фактов, но и на планирование новых экспериментов, которые в большинстве случаев исходно строятся под некую устаревшую теорию. Такие эксперименты закономерно не только подтверждают доминирующие заблуждения, но и служат основой для новых теоретических схем и объёмного финансирования новых научных разработок, в ряде случаев не ведущих никуда.

В информационную эпоху для всех аспектов жизни общества самыми значимыми становятся идеи, представления и вопросы о психике, от постановки и решения которых напрямую зависит развитие философии, социологии, политологии, соматической медицины, психиатрии, психологии, а также решение проблем информационного взрыва, субъектов высоких технологий, системы «промыски мозгов», искусственного интеллекта и т.д.

Подмена понятий

На протяжении двух последних тысячелетий проблема психики решалась в самом примитивном виде на основе гипотезы Гиппократов, провозгласившего, что вместительность всех психических процессов служит головной мозг. К последователям этих гипотетических представлений о психике, прежде всего, нужно отнести таких выдающихся учёных как Р. Декарт [2], И.М. Сеченов [3], И.П. Павлов [4], которые на столетия определили основные направления развития физиологии, психологии и психиатрии. Не будем упоминать множество менее известных имён, но сразу отметим, что ошибки гениев — это великие ошибки, требующие особого внимания.

Благодаря авторитетной поддержке упомянутых выше гениев гипотеза Гиппократов постепенно приобрела статус главенствующей научной доктрины, которая по мере развития науки и появления более тонкой аппаратуры для исследований постоянно уточнялась. Психику искали в коре головного мозга, извилинах головного мозга, желудочках мозга, подкорковых образованиях, в условных рефлексах, электрической, волновой и квантовой активности мозга и т.д. И наконец: «О, чудо!» — её нашли в синаптической щели [5], негласно признав обмен медиаторов новым эквивалентом психики и основной мишенью практически всей современной психофармакологии.

Даже удивительно, что на протяжении двух тысячелетий учёные не замечали подмену понятий: они говорили и писали об изучении или терапии психики, а изучали и «лечили» мозг, параллельно изобретая псевдофизиологическую и псевдопсихологическую терминологию для описания «мозговых механизмов психических процессов».

Несколько забегая вперёд, попытаемся предельно просто объяснить это заблуждение. С таким же успехом можно было бы считать, что самым главным в компьютере является его аппаратная часть: клавиатура, экран, проводники и электронные блоки (обычно обозначаемые как hardware, или «железо»); и при этом вообще забыть о существовании у компьютера программного обеспечения (software). А затем на основании изучения материалов, из которых сделаны экран и клавиатура, а также на основании измерения напряжения и сопротивления на клеммах аппаратной части компьютера пытаться описывать: какое программное обеспечение (software) сейчас работает и что именно оно делает?

То, что это нонсенс, вроде бы, должно быть понятно любому здравомыслящему человеку. Однако тогда к таким же бесплодным попыткам следует отнести ещё недавно сверхпопулярные попытки расшифровки мыслей по электроэнцефалограмме (на чём специализировались десятки научных центров), так же как и сменившие их эксперименты по «распознаванию мыслей» с помощью компьютерной нейровизуализации. У этих идей и этих научных центров есть только один чрезвычайно поучительный исторический аналог — просуществовавшая десятки лет в Научно-исследовательском институте мозга Академии наук СССР специальная исследовательская программа по изучению анатомических препаратов мозга Ленина с целью найти материальные (гистологические) основания его гениальности. Естественно, что автор ни в коей мере не отвергает находки и открытия, сделанные советскими учёными параллельно с этим заведомо бесперспективным направлением исследований, которые базировались на самом примитивном материализме. Но далеко ли мы ушли от последнего, когда переместили свои научные интересы и поиски психики в синаптическую щель?

Ложные идеи в медицине

Ложные идеи и теории периодически появлялись и появляются во всех науках. Однако в отличие от всех других наук, в медицине ошибочные идеи о психике имели и всё ещё имеют свою особую специфику. В чём же эта специфика? Сразу после появления те или иные гипотезы о психике тут же трансформировались в некие умозрительные теории психопатологии, которые тут же, как уже отмечено, некритически внедрялись в практику терапии и даже хирургии психических расстройств. По сути речь идёт об экспериментах над миллионами людей. Анатомический подход к «структурам психики» стимулировал идеи лоботомии и рассечения мозолистого тела мозга. Идея электрической активности вызвала тысячи «лечебных» экспериментов с электрошоком. Затем появилось и вскоре было отменено как сомнительное «лечение» с помощью инсулинового шока, а новейшие (по историческим меркам) «биохимические теории психики» вызвали появление новой отрасли химической индустрии — психофармакологии. В итоге вся современная терапия психических расстройств осуществляется преимущественно с применением психофармакологии, которая направлена на коррекцию обмена нейромедиаторов в синаптической щели и таким образом — якобы на психику. Однако вопрос о том, приводят ли эти «самые современные» методы терапии психических расстройств к выздоровлению пациентов, остаётся открытым.

Что объединяло и продолжает объединять всех упомянутых выдающихся учёных — от Гиппократов до наших современников? Их объединяет могущественная, заманчивая и предельно материалистическая идея: найти материальный субстрат психики. Подчёркнём — не материальные структуры, на основе которых реализуется психика, а именно материальный субстрат психики. Идея исходно порочная.

Качественно иные подходы к психике учёные предлагали весьма редко. В качестве таковых можно упомянуть всего несколько имён, в частности З. Фрейда, который рассматривал психику как эпифеномен [6]; В.М. Бехтерева, который, исходя из того, что психиатрия — наука о духе, считал её положение в естественнонаучной медицине весьма сомнительным [7]. Из наших современников следует упомянуть Д.И. Дубровского, который в 60-х годах прошлого века опубликовал ряд философских работ по информационному подходу к объяснению субъективной реальности [8]. Здесь нужно отметить, что в советский период грубые материалистические подходы к психике, поддержанные в своё время В.И. Лениным [9, 10] и активно культивируемые господствующей идеологией, даже если и вызвали сомнения, в официальной науке всегда оставались вне критики.

Гипотеза о биологическом интерфейсе

В противовес традиционным представлениям о психике (и развивая идеи своих предшественников, прежде всего — идею И.П. Павлова о второй сигнальной системе, к которой мы ещё вернёмся) в 2008 г. автор сначала выдвинул гипотезу о мозге как биологическом интерфейсе [11, 12]. В рамках этой гипотезы проводилась уже упомянутая выше аналогия между мозгом и компьютером. Мозгу отводилась роль аппаратной части, или «железа» (hardware), а психика интерпретировалась как программное обеспечение компьютера, обычно именуемое «софт» (software). Соответственно процесс формирования у ребёнка способности к языковому общению, воспитание и обучение рассматривали как вариант программирования. Подчёркнём — программирования, которое, как и в технических системах, осуществляется на конкретном языке.

Психическая деятельность в данном случае рассматривалась как вариант информационного обмена и взаимодействия, а также как процессы накопления и обработки информации, которые возникают и функционируют только в случае раннего погружения в социальную (информационную) среду как своеобразную глобальную сеть. Напомню широко известный тезис Ж. Лакана [13], что ребёнок рождается в «купель языка», или, используя современную терминологию: его психика исходно подключается к информационной сети социума (как доказано современной наукой, это происходит ещё в пренатальный период).

Одно из ключевых положений предложенной в 2008 г. гипотезы состояло в следующем: со временем особая роль мозга будет пересмотрена, и в новой системе представлений ему будет отведена более скромная, но не менее значимая роль — связующего звена между идеальным и реальным или, выражаясь современным языком, — биологического интерфейса [11].

Никто не будет оспаривать, что головной мозг и нервная система — материальные структуры, которые осуществляют регуляцию деятельности всех внутренних органов, рефлекторных реакций и адаптивных функций *организма*, так же, как и то, что *на основе этих структур* осуществляется психическая деятельность.

Но суть собственно психической деятельности несколько иная. Мы получаем информацию, накапливаем, перерабатываем и верифицируем информацию, производим информацию — это и составляет содержание психических процессов, пока доступных для исследования только с помощью самонаблюдения или внешнего наблюдения по их косвенным проявлениям, символизируемым в речи и идеомоторике. Однако не стоит забывать, что мысли и речь подчиняются разным законам [14]. В итоге нужно признать, что не только в процессе бытового общения, но даже в наших научных

обобщениях то, что мы думаем, и то, что мы говорим, не совпадает гораздо чаще, чем нам кажется.

Часть II

Нематериальная теория психики

Последующее развитие предложенной автором гипотезы [15–20] было связано с одним чрезвычайно важным положением, которое долго ускользало от внимания психологов, физиологов и психиатров и никак не учитывалось в их теоретических построениях и гипотезах. *Информация современной академической наукой общепризнанно характеризуется как нематериальный фактор*. Напомню, что ещё создатель кибернетики Н. Виннер обосновывал, что информация — это не материя и не энергия, информация — это информация [21]. Общепризнанным фактом в академической науке это стало несколько позднее. Материальны только носители информации (биологические, бумажные, электронные и т.д.). Нужно признать, что определение Н. Винера далеко не самое лучшее. Точнее было бы сказать, что информация — это структура, принадлежащая к категориям идеального.

Тем не менее, будучи нематериальной, любая информация обретает (именно обретает, а не имеет исходно!) ряд количественных и качественных характеристик. Она может быть нейтральной, эмоционально насыщенной, устрашающей, правдивой, ложной и прочей, но все эти характеристики появляются только при наличии субъекта восприятия информации. Причём у разных субъектов одна и та же информация может вызывать абсолютно разные психические реакции (вспомним 11 сентября 2001 г.: траур в США и ликующая толпа в Ливии).

Само по себе наличие информации на каком-либо носителе (вне субъекта или при отсутствии субъекта) — фактически не существует. Лишь живые существа (и в самой высокой степени — человек) могут быть одновременно и субъектами восприятия, и производителями, и носителями, и хранителями, и верификаторами нематериальной информации.

Заблуждения, извращающие научные истины

Укоренившиеся представления о мозге как вместилище всех психических функций породили массу заблуждений, которые давно вошли в обыденную речь, а в науке привели к известному феномену «нагруженности теорией» (когда всё, что лежит за пределами главенствующей научной доктрины, исходно отмечается). Совершенно привычными стали фразы о том, что «у кого-то не всё в порядке с нервами», хотя нервы — просто проводники; другой вариант — «мне пришло в голову», но приходит не в голову, а «на ум» и т.д. В целом идентификация нервного и психического на уровне обыденного сознания и даже научного

знания — запредельна. С удивлением читаю труды современников — физиологов, психологов и психиатров, где сплошь и рядом фразы: «мозг опознал», «мозг дал команду», «мозг проанализировал» и т.д. В целом фраза о том, что «человек думает головным мозгом», звучит столь же нелепо, как если бы кто-то утверждал, что мы ходим спинным мозгом, исходя из того, что все двигательные импульсы замыкаются именно на этом уровне.

Обратимся ещё раз к метафорическому объяснению: не компьютер что-то помнит, находит, считает или анализирует. Всё это делает нематериальное программное обеспечение, без которого компьютер — просто железо. Точно так же мозг (без сформированной под воздействием социума психики) — просто биологический субстрат, ткань (а при наиболее частом подходе — синапсы, химические медиаторы, нервные центры и проводники нервных импульсов; не более того).

При этом все современные науки о человеке вообще не замечают коренных отличий нервной системы от психики. Их несколько, но главное: здоровая психика способна отличать воображаемые стимулы от реальных. Нервная система и на те, и на другие может реагировать практически одинаково. На этом основаны все техники внушения и самовнушения, когда, например, представление о том, что рука погружена в горячую воду, тут же сопровождается повышением температуры кожных покровов кисти, а представление спринтерского бега на 100 метров, тотчас сказывается на частоте пульса.

Здесь уместно вспомнить уже хрестоматийные опыты Ж. Шарко с внушёнными параличами, которые поражали руку (не владеющей медицинскими знаниями) пациентки не в соответствии с зонами иннервации, как это бывает при реальных параличах, а как руку в целом — то есть так, как она была представлена в индивидуальном сознании пациентки. Странно, но ни Ж. Шарко, ни З. Фрейд, ни В.М. Бехтерев (наблюдавшие эти опыты) не сделали естественного и даже напрашивающегося вывода: не нервная система управляет психикой, а (по крайней мере, применительно к этому конкретному случаю) психика управляет нервной системой.

Мозг — это тоже сома

Идеи о возможности влияния психики на соматические функции (сформулированные Й. Гейнротом в 1818 г.) были революционными, категорически противоречили представлениям о неких «мозговых структурах психики» и именно поэтому так долго (более 100 лет) не принимались официальной наукой, существуя преимущественно на уровне обыденного сознания [22]. Образно говоря, там, где врачи терялись в вопросах этиологии заболевания, сам пациент или его родственники легко диагностировали наступление

«болезни от горя» или «из-за несчастной любви». Постепенное признание концепции психосоматической патологии, казалось бы, дезавуировало почти утвердившиеся в медицинской науке представления об идентификации психической феноменов и их материальных носителей — мозга, физиологических и биохимических процессов. Однако это открытие долгое время осталось как бы незамеченным ни в психиатрии, ни в медицине в целом.

В 30-е годы XX века признание влияния психики на соматическое состояние, появились психосоматические общества врачей и специализированные психосоматические отделения. Однако за пределами психосоматических клиник это не так уж существенно повлияло на сложившиеся в течение двух тысячелетий подходы к терапии психических и психосоматических расстройств. Эта терапия по-прежнему осуществляется преимущественно путём лечения того или иного органа и психофармакологического воздействия на соматические структуры мозга. Фактически этим как бы негласно признаётся, что психика — это такой набор неких химических реакций или некое производное мозговых структур, примерно такое же, как желчь относительно печени.

Психопатология и психофармакология

Обратимся к психопатологии. Как представляется, мы до настоящего времени не совсем точно выделили два её принципиально различающихся типа и два принципиально различающихся подхода к терапии психопатологии.

Принцип 1. Психопатология, которая развивается как следствие органических поражений головного мозга: вследствие инфекционных процессов, склеротических изменений, онкологических заболеваний и т.д. То есть речь идёт о тех случаях, когда повреждён носитель информации — мозг (возвращаясь к примитивной аналогии с компьютером — поломка произошла в «аппаратной части», в «железе»). В этом случае даже по внешним признакам (чувствительным, двигательным, поведенческим и психическим реакциям) локализацию повреждённой части мозга легко установить, а подходы биологической медицины абсолютно адекватны: нужно лечить мозг, используя соответствующие препараты (химические вещества), с помощью оперативного вмешательства, с применением облучения или лазера и т.д.

Принцип 2. Психопатология, которая развивается как следствие информационного поражения самой психики, то есть когда один нематериальный фактор (например, индивидуально значимая психическая травма) повреждает другой нематериальный фактор (нормально функционирующую психику), точно так же, как компьютерный вирус (информация) повреждает до этого стабильно функционирующее программное обеспечение (software).

Приведём самый простой и наглядный пример второго варианта. В октябре 2005 г. (когда «чеченская война» уже окончилась) в электронных средствах массовой информации появилось сообщение о массовом отравлении каким-то нервно-паралитическим газом учащихся одной из школ в Чечне. Сначала заболела одна девочка, потом две, затем ещё три, затем 29. После показа сюжета об «отравлении» по телевидению такие же массовые «отравления» стали появляться в других школах, удалённых на десятки километров от первой. При серьёзном изучении это «отравление» (с которым в октябре-декабре 2005 г. были госпитализированы 86 детей!) оказалось типичным вариантом массового психического заражения ложными идеями или, как сейчас это иногда обозначают, «болезнями, передающимися информационным путём». В целом по такому же (паранойальному) сценарию развиваются и межнациональные конфликты [23].

В отличие от первой группы психические нарушения в этом случае (в зависимости от индивидуальных особенностей того или иного субъекта) исходно могут реализоваться в самых различных вариантах: от лёгкой дисфории до тяжёлой депрессии, аутизма или устойчивой паранойи (в сочетании с психосоматическими расстройствами). Соответственно терапию в таких случаях следует осуществлять путём информационного воздействия на повреждённые не мозговые, а психические структуры.

Химическое воздействие (ещё раз прибегнем к образному сравнению) на «железо» («лечение» тканей мозга) в данном случае ничего не даст, психическое содержание останется неизменным. С таким же успехом можно пытаться избавиться от вирусного заражения компьютера, поливая клеммы соединений его блоков (его «синапсы») щёлочью или кислотой.

При наличии нескольких (более обоснованных и более подробных) классификаций психофармакологических препаратов их также можно условно разделить на две основные группы:

1) вещества, которые притупляют душевные переживания (возвращаясь к используемым аналогиям, снижают яркость «интерфейса», то есть экрана, на котором проецируется информация); в эту группу входят все нейролептики, транквилизаторы и антидепрессанты;

2) или наоборот — вещества, которые стимулируют общую психическую активность и яркость восприятия (повышают энергетическое обеспечение всех мозговых процессов, в частности ноотропы и психостимуляторы).

Однако ни первые, ни вторые никак не меняют содержательное наполнение психической сферы (саму информацию). Здесь нет негативизма к психофармакологии, успехи которой было бы неверно не замечать. И автор вовсе не является её противником, но последовательно выступает против её необоснованного назначения, длительного, изолированного и бесконтрольного применения.

Никто из психопатологов не будет возражать, что если пациент поступает в психиатрическую клинику в крайне возбуждённом (с галлюцинациями и бредом) или агрессивном состоянии, психоз нужно прерывать, так как чем дольше длится обострение, тем больше (с каждым таким обострением) усиливается эмоционально-волевой и интеллектуальный дефект. Но неотложная терапия не должна растягиваться на месяцы и годы, тем более что доказательных случаев полного излечения от тяжёлой психопатологии медицинской науке пока неизвестно. Здесь уместно напомнить, что выдающийся французский учёный А. Лабори, один из разработчиков хлорпромазина (первого нейролептика, который был рекомендован для лечения шизофрении, 1952), на склоне лет сделал неожиданное признание, что все их разработки — это всего-навсего «химическая смирительная рубашка» [11]. В целом с этим трудно не согласиться.

Во всех других случаях психического расстройства, когда необходимости в «смирительной рубашке» нет (и если не выявлено признаков органической патологии мозга), главной задачей становятся исследование *психогенеза* страдания пациентов и психическое воздействие психиатров, психотерапевтов и психологов не на мозг, а на содержание их психической сферы.

Ещё одно существенное примечание: в отличие от самых различных вариантов искусственного интеллекта, где все программы и параметры исходно заданы, ожидаемые результаты анализа и синтеза предельно точны, а их векторы относительно легко прогнозируемы, человеческий интеллект отличается высочайшей способностью к саморазвитию в сочетании как с непрогнозируемостью и субъективностью восприятия любой информации, так и с нестандартностью и широкой вариативностью принимаемых решений [24]. Второе отличие состоит в том, что повреждающая нормально функционирующую психику информация (острая или хроническая психическая травма) может поступать как извне (как и в случаях компьютерных вирусов), так и порождаться самой психикой в виде ложных идей, переживаний, подозрений и прочего, которые становятся для неё самотравмирующими факторами.

Часть III

Дополнительные аргументы

Здесь мы приведём ряд дополнительных аргументов, свидетельствующих в пользу изложенной теории. Изучение феральных детей (более известных как «Маугли») показывает, что при отсутствии раннего погружения в социальную среду (или, как уже было отмечено, при отсутствии языкового программирования мозга ребёнка социальным окружением) нормальная человеческая психика не формируется

[25]. Как известно, личность появляется только тогда, когда она «приобретает своё особое “телесное” бытие, отличающееся от “телесного” бытия индивида» [26]. Именно поэтому в научной среде такие индивиды получили наименование, происходящее от латинского «*feralis*», что значит «мёртвый» или «заживо погребённый» (в социальном смысле), в данном случае — в собственном теле, так как эти индивиды, безусловно, принадлежат к семейству гоминид и роду человека, но не являются *Homo sapiens*.

Однако такие дети усваивают типичные формы коммуникации («язык») того животного сообщества, где им удалось выжить. Это позволяет сделать вывод, что наличие здорового мозга — необходимое, но недостаточное условие формирования и адекватного функционирования человеческой психики. Обязательно погружение в социальную человеческую среду и языковое «программирование» их психики.

В научной литературе подробно описаны уже хрестоматийные случаи, когда феральные дети могли общаться только по-волчьи или по-собачьи и даже только на птичьем языке — свистом. Как отмечено в публикациях, затрагивающих проблемы феральных детей [27], при длительном нахождении в животном сообществе они полностью перенимали повадки своих «приёмных родителей», которые затем фактически не поддавались коррекции, даже несмотря на все усилия психологов и врачей-реабилитологов.

Прежде чем будет сделан ещё один вывод, приведём краткое описание одного недавнего случая. Широкую известность в 1992 г. на Украине получил случай, когда была обнаружена девочка (до этого нормально развивавшийся малолетний ребёнок), которая несохраненными родителями-алкоголиками была передана «под опеку» домашней собаке и поселена в её будке, где прожила до 7 лет. Ребёнок очень быстро начал есть и пить, а лаять пищу, почти утратил уже сформированные навыки человеческой речи и начал выть и лаять по-собачьи, а после периода прямохождения вновь передвигаться на четырёх конечностях. Узнав об этом с большим опозданием, органы опеки поместили девочку в интернат для детей с дефектами развития. В процессе наблюдения врачами и психологами в личной карточке Оксаны отмечено, что она ходит исключительно «на четвереньках», при этом может высоко прыгать, например запрыгнуть с пола на стол, людей подпускает к себе неохотно, скалит зубы, рычит и пытается укусить. Понимание примитивных фраз человеческой речи частично сохранилось, но сама девочка практически не говорила. Она нередко убегала из интерната и проводила время в сообществе собак, с которыми себя идентифицировала.

Это позволяет сформулировать ещё одно предположение, что *структуры психики и культура в целом — весьма хрупкое образование*. С этой точки зрения современная тенденция всё большей толерантности относительно всяческих субкультур и демонстрации

снисходительной приемлемости в отношении того, что веками было под культуральными запретами, требует более внимательного и более осторожного отношения.

Вторая группа дополнительных аргументов

Особого упоминания заслуживает работа А.Р. Лурия «Маленькая книга о большой памяти» [28]. В этой книге автор описал наблюдавшегося у него на протяжении 30 лет мнемониста С.В. Шерешевского (журналиста по профессии), патология которого была связана с неспособностью забывать. В предисловии к американскому изданию этой книги (1965) Дж. Брунер, отдавая дань научному предвидению автора, назвал А.Р. Лурия «пришельцем из будущего». И для этого были реальные основания, так как А.Р. Лурия со всей очевидностью было обосновано, что психика функционирует как самый современный видеоманитофон (которых в то время ещё не было): в ней фиксируется всё, что человек когда-либо видел или слышал. Кстати, у книги есть авторский подзаголовок «Ум мнемониста». Не все на это обращают внимание, но я думаю, что А.Р. Лурия этим хотел подчеркнуть одну из существенных идей его книги: речь идёт не о «мозге мнемониста», а именно об «уме» (о психике).

Даже через десятки лет С.В. Шерешевский мог описать с мельчайшими деталями, как выглядел кабинет и что было, например, на столе у А.Р. Лурия при их первой встрече. При этом, если Лурия просил рассказать о чём подробнее, Шерешевский закрывал глаза и говорил, что сейчас он «обойдёт вокруг стола и глянет...», как бы включая объёмную запись с дополнительной портативной «кинокамеры» (которых в то время также не было).

Отто Петцл в уже хрестоматийных опытах по подпороговому (защитному) восприятию [29, 30] обосновал, что глаз видит больше, а ухо слышит лучше, чем мы способны воспринимать сознательно, и таким образом подпороговые стимулы могут определять формирование оценочных суждений, идей, мотивов поведения и принятия решений. Однако мы пока очень мало знаем о том, что ещё может храниться в глубинных структурах психики.

Ещё одним научным фактом, свидетельствующим в пользу информационной теории психики, служат новейшие исследования Дж. Риццоллатти по «зеркальным нейронам» [31, 32]. Из обыденной жизни нам хорошо известны ситуации, когда двое разных людей (а особенно — близких, «настроенных» друг на друга людей) в процессе их межличностной коммуникации вдруг одновременно вспоминают одни и те же имена, идеи или высказывают одни и те же мысли. Позднее в процессе уникальных психофизиологических опытов, сначала на обезьянах, а затем на людях, Дж. Риццоллатти было экспериментально обосновано существование зеркальных нейронов.

Учёный весьма осторожен в формулировках и выводах, полученных в результате этих исследований. Тем не менее, он отмечает, что именно зеркальные нейроны задействованы в понимании действий и даже невысказанных (!) намерений других людей, а возможно, что и причин, повлёкших за собой возникновение этих намерений. Однако эту идею можно сформулировать более конкретно: фактически эти нейроны действуют в качестве передающих информацию «станций» и одновременно способны принимать невербализованную (мысленную) информацию в качестве «приёмников», где нематериальная информация в одних случаях преобразуется в нечто подобное радиоволнам, а в других — наоборот (своеобразный биологический bluetooth). В целом надо признать, что все современные IT-системы так или иначе моделируют те психические процессы, которые существуют в природе.

Позволю себе высказать предположение, что, возможно, именно этот тип «взаимопонимания» (с помощью зеркальных нейронов) лежит в основе коммуникации в животном сообществе. Многократно просматривая видеозаписи охоты, например львов, у меня нет иной возможности объяснить: каким образом три-четыре львицы «договариваются», кто из них будет загонять добычу слева, а кто справа, а кто будет сидеть в засаде и более того — где именно будет засада?

Приведём в подтверждение излагаемой теории ещё одно клиническое наблюдение, когда пациенты утрачивали способность говорить на родном языке, но легко вступали в контакт с терапевтом на другом — то есть отключалась одна программа психического функционирования и включалась другая. Первый такой случай, как известно, был описан З. Фрейдом в работе «Исследование истерии» в 1895 г. [6].

Часть IV

Проекция в философию, теорию эволюции и социальные науки

В процессе изложения этого материала уже были обозначены проекции новой теории в психологию, физиологию, клиническую медицину и психофармакологию; но даже в первом приближении такое изложение было бы неполным без обращения к теории эволюции, философии и социологии.

Вряд ли необходимо какое-то обоснование и довольно трудно оспаривать тезис о том, что в процессе эволюции *Homo sapiens* гораздо раньше, чем началось создание первых орудий труда, начал формироваться язык (как средство межсубъектной коммуникации). Позднее появились человеческая речь и психические (вербальные) системы сохранения и передачи информации последующим поколениям. Зачатки этих систем хорошо известны зоопсихологам и обнаружены даже у примитивных животных [33]. Но главное отличие

Homo sapiens состоит как раз в способности к накоплению, обобщению, умножению (производству) и сохранению постоянно возрастающих объёмов информации. Этот вектор развития цивилизации легко прослеживается в исторической антропологии: от примитивных форм коммуникации — к человеческой речи, от обозначения предметов и явлений — к отвлечённым понятиям и обобщениям, от устной передачи знаний — до изобретения письменности, от мифологических построений — к научно-обоснованному знанию, от петроглифов, глиняных табличек и папирусов — до современных информационных систем.

С учётом этих положений нужно признать, что современное понятие эволюции, всё ещё остающееся результатом синтеза двух сугубо биологических подходов — классического дарвинизма и популяционной генетики, — должно быть пересмотрено и расширено, в частности путём включения в него информационно-психологических аспектов. Не труд создал человека, как предполагал Ф. Энгельс в своей монографии «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [34], а его способность к производству, накоплению, обмену и сохранению информации для передачи следующим поколениям. При этом ценность информации из века в век возрастала, постепенно окутываясь тайнами и сверхдорогими системами защиты.

Теперь обратимся к гуманитарным наукам. Исходя из предложенной теории, основной вопрос философии формулируется в его традиционном варианте: материя первична и субъект первичен, а сознание вторично, ибо Со-знание возникает только в социуме как информационная (идеальная, нематериальная) структура. Эта структура не может существовать без субъектов-носителей, воспринимающих, накапливающих, хранящих и передающих информацию. Для повышения надёжности главной эволюционной (!) задачи сообщества *Homo sapiens* (межпоколенческой передачи знаний и опыта) эти же субъекты начали использовать другие носители информации, как уже было отмечено, начиная от петроглифов, папирусов и книг до современных мощных серверов. Однако все эти хранилища информации не несут и не предоставляют никакой информации без субъекта её восприятия.

Напомним, что термин «основной вопрос философии» ввёл Фридрих Энгельс в 1886 г. в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Некоторые мыслители и уже далёкого прошлого, и современники отрицают значимость этого вопроса, считая его надуманным, лишённым познавательного смысла и значения. Однако нам нужно понять и признать, что значимость этого вопроса чрезвычайно возрастает в информационную эпоху. Более того, от его постановки и решения зависит сама возможность построения адекватного знания об окружающем мире. Напомним, что выдающиеся мыслители прошлого, такие как Платон, Лейбниц, Гегель и другие, считали,

что *мир идей существует независимо от нашего сознания*, а мир вещей является лишь воплощением мира идей.

Современные информационные технологии требуют качественно новых подходов к этим проблемам, так как повседневная реальность со всей убедительностью демонстрирует, что мир идей вовсе не независим от нашего сознания, более того — его можно формировать искусственно, качественно изменяя сложившиеся культурные коды. А следовательно, можно так же точно — искусственно, путём информационного воздействия — создавать те или иные тренды и векторы развития мирового сообщества как в форме ориентации на высокую культуру и научный прогресс, так и в форме межнациональной розни и терроризма или товарного фетишизма и сакрализации материального успеха.

V. Заключение

Одни коллеги, ознакомившись с этим материалом, оценили нематериальную теорию психики как открытие, которое должно качественно поменять все подходы к психике и психопатологии, и я благодарю их за такую оценку. Другие испытали реальный когнитивный диссонанс, обещая подумать (скорее, с оттенком скепсиса), так как излагаемые идеи во многом противоречили тому, чему их учили, во что они верили, на основе чего выстраивали свои научные обобщения и осуществляли свои исследовательские и терапевтические подходы и стратегии. Третьи вообще отказывались слушать и даже обсуждать эту теорию, так как «она вступает в противоречие с устоявшимися представлениями», с «признанными авторитетами» и т.д. Отчасти удивительно, но восприятие излагаемых идей в молодёжной аудитории студентов и аспирантов чаще всего выражается фразой: «А что — кто-то думает иначе?». Уверен, что адекватное восприятие и понимание новой теории придёт не так скоро, даже несмотря на то обстоятельство, что все хорошо знают: сколько радио не разбирай — музыки в нём не найдёшь!

Некоторые коллеги поспешили с выводом о некой «компьютерной теории психики». Это категорически неверно. Всё как раз наоборот. На протяжении всей истории Человечества создавались всё более совершенные технические системы, которые расширяют возможности наших органов чувств (например, лупы-бинокли-телескопы-радиолокационные станции) или наши физические возможности (палка-ковырялка-лопата-плуг-трактор-экскаватор). В XX веке достижения науки и техники позволили моделировать некоторые интеллектуальные процессы, прежде всего вычислений и логических построений и сопоставлений. Безусловно, современные компьютеры считают в миллионы раз быстрее нас и способны сопоставлять огромные массы данных, но они не думают, они лишь решают поставленные кем-то задачи. Они не

способны гореть какой-то идеей, вкладывать в неё всю душу, переживать, испытывать страсть научного поиска, инсайты и жажду познания. Да, мы создали искусственный интеллект для вычислений и решения научных и исследовательских задач, но никогда не сможем придать ему свойство одухотворённости. Повторю ещё раз: моя теория не является компьютерной теорией психики, это компьютер моделирует некоторые психические процессы.

А теперь ещё раз вернемся к цитате из Аристотеля (советуем вернуться в начало материала и перечитать) и попытаемся прояснить её на примере современного механизированного и компьютеризированного производства: не компьютер собирает автомобиль из отдельных деталей — это делают станки. А от компьютера (из программного обеспечения) к станкам поступают команды, и после выполнения конкретных действий в компьютер подаётся сигнал обратной связи, что действие выполнено правильно. Но это, опять же, возможно только в условиях выполнения стандартных задач. Ни один компьютер не создаст Монну Лизу или что-то ей подобное. Повторим цитату из Аристотеля: «...сказать, что душа гневается — это то же [самое], что сказать — душа ткёт или строит дом». То есть, когда говорят, что человек совершает какие-то душевные усилия или движения, — это неверно. Само движение не находится в душе, «оно то доходит до неё, то исходит от неё; [также] как восприятие от каких-то вещей доходит до неё, а воспоминание — от души к движениям или их остаткам в органах чувств».

ВЫВОДЫ

1. На протяжении двух тысячелетий учёные не замечали ошибочную подмену понятий: они говорили и писали об изучении или терапии психики, а изучали и «лечили» мозг, в том числе с помощью лоботомии, электрошока и психофармакологии, параллельно изобретая псевдофизиологическую терминологию для описания мозговых механизмов психических процессов.

2. Мозг и психика — две тесно связанные, но принципиально разные системы.

3. Мозг и нервная система — материальны и осуществляют регуляцию деятельности внутренних органов, рефлекторных реакций и адаптивных функций организма.

4. Психика нематериальна, это информационная структура, которая формируется на основе языкового программирования мозга только в социальной информационной среде и является высшим уровнем регуляции познавательных, эмоциональных, поведенческих и идеомоторных актов, то есть *социальной адаптации личности в целом*, реализуемой в соответствии с языковыми и культурными требованиями конкретного социума, в котором эта психика была сформирована.

5. Невротические и другие психические расстройства, возникающие вследствие индивидуально

значимых психических травм и «ударов судьбы», когда одна информация (психическая травма) нарушает деятельность другой информационной системы (психики), — не связаны с патологией мозга.

6. Такие психические расстройства требуют качественно иных клинических подходов и качественно иной парадигмы терапии и реабилитации, мишенью которых становится не мозг, а психика.

7. Современная академическая наука фактически ещё не изучала психику как информационную (идеальную, нематериальную) структуру, что потребует пересмотра парадигмы всех наук о человеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. *О душе*. М.: Наука. 1995; 121–123. [Aristotle. *About the soul*. М.: Nauka. 1995; 121–123. (In Russ.)]
2. Декарт Р. *Сочинения*. В 2 т. Пер. с лат. и франц. М.: Мысль. 1989; 1: 654 с. [Descartes R. *Works in 2 vols*. Trans. from Lat. and Franz. М.: Thought. 1989; 1: 654 p. (In Russ.)]
3. Сеченов И.М. *Рефлексы головного мозга*. М.: Министерство просвещения СССР. 1953; 31–117. [Sechenov I.M. *Reflexes of the brain*. М.: Ministry of education of the USSR. 1953; 31–117. (In Russ.)]
4. Павлов И.П. *Полное собрание трудов*. В 5 т. М. — Ленинград: Академия наук СССР. 1949; III (1): 104, 482, 491, 515. [Pavlov I.P. *Complete collected works*. In 5 vol. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 1949; III (1): 104, 482, 491, 515. (In Russ.)]
5. Lapin I.P., Oxenkrag G.F. Intensification of the central serotonergic processes as a possible determinant of thymoleptic effect. *Lancet*. 1969; (1): 132–136.
6. Фрейд З. *Исследование истерии*. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа. 2005; 454 с. [Freud S. *The study of hysteria*. Saint Petersburg: Eastern European Institute of Psychoanalysis. 2005; 454 p. (In Russ.)]
7. Бехтерев В.М. *Будущее психиатрии. Введение в патологическую рефлексологию*. СПб.: Наука. 1997: 23. [Bekhterev V.M. *The future of psychiatry: Introduction to pathological reflexology*. Saint Petersburg: Nauka. 1997: 23. (In Russ.)]
8. Дубровский Д.И. *Проблема «сознание и мозг»: теоретическое решение*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». 2015; 208 с. [Dubrovsky D.I. *The problem of “consciousness and the brain”: a Theoretical solution*. М.: Canon+ ROOI “Rehabilitation”. 2015; 208 p. (In Russ.)]
9. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Изд. 4-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1941–1967; 4: 127. [Lenin V.I. *Complete works*. Ed. 4th. М.: State publishing house of political literature. 1941–1967; 4: 127. (In Russ.)]
10. Терехов П.Г. И.М. Сеченов и материалистическая психология. М.: Академия наук СССР. 1957: 55–109. [Terekhov P.G. I.M. Sechenov and materialistic psychology. М.: Academy of Sciences of the USSR. 1957: 55–109. (In Russ.)]
11. Решетников М.М. *Психическое расстройство*. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа. 2008; 272 с. [Reshetnikov M.M. *Mental disorder*. St. Petersburg: Eastern European Institute of Psychoanalysis. 2008; 272 p. (In Russ.)]
12. Решетников М.М. Критический постматериализм в психологии и психиатрии. *Неврол. вестн.* 2011; XLIII (2): 66–69. [Reshetnikov M.M. *Critical post-materialism in psychology and psychiatry*. *Neurological Bulletin*. 2011; XLIII (2): 66–69. (In Russ.)]
13. Лакан Ж. *Функция и поле речи и языка в психоанализе*. Доклад на Римском конгрессе, прочитанный в Институте психологии Римского университета 26 и 27 сентября 1953 г. М.: Гнозис. 1995; 1–23. [Lacan J. *Function and field of speech and language in psychoanalysis*. Report at the Congress of Rome, read

at the Institute of psychology of the University of Rome on 26 and 27 September 1953. М.: Gnosis. 1995; 1–23. (In Russ.)]

14. Фрейд З. *Автопортрет*. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа. 2006; 256 с. [Freud S. *Self-portrait*. Saint Petersburg: Eastern European Institute of Psychoanalysis. 2006; 256 p. (In Russ.)]

15. Решетников М.М. Нематериальная теория психики. *Форум молодых учёных*. 2018; 6 (22): 1–7. [Reshetnikov M.M. Non-material theory of the psyche. *Forum of young scientists*. 2018; 6 (22): 1–7. (In Russ.)]

16. Reshetnikov M.M. What is the psyche? What are we curing? *J. Anthropol.* 2017; 6 (3): 11–15.

17. Reshetnikov M.M. Problem of relation between brain and mind in physiology, medicine and psychology. *J. Psychiatry and Psychiatric Dis.* 2017; 1 (6): 313–316.

18. Reshetnikov M.M. During two thousand years we were looking for the psyche in a wrong place (Ideas live their own Life). *Intern. J. Curr. Innovat. Adv. Res.* 2018; 1 (4): 82–87.

19. Reshetnikov M.M. Non-material theory of the psyche: Historical prerequisites, argumentation and practical implications. *Intern. J. Psychol. Psychological Res.* 2018; 3 (5): 1–7.

20. Reshetnikov M.M. Non-material nature of the psyche. Psychological review. *Am. Psychol. Assoc.* 2018; 125: 1035–1047.

21. Винер Н. *Кибернетика или управление и связь в животном и машине*. М.: Советское радио. 1968; 325 с. [Wiener N. *Cybernetics or control and communication in an animal and a machine*. М.: Sovetskoe radio. 1968; 325 p. (In Russ.)]

22. Губачев Ю.М., Стабровский Е.М. *Клинико-физиологические основы психосоматических соотношений*. Ленинград: Медицина. 1981; 176 с. [Gubachev Yu.M., Stabrovsky E.M. *Clinical and physiological bases psychosomatic relationships*. Leningrad: Meditsina. 1981; 176 p. (In Russ.)]

23. Volkan V. Traumatized societies. In: *Violence and dialogue? Psychoanalytic insight on terror and terrorism*. London: International Psychoanalytic Association. 2003; 217–237.

24. Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ. 2013; 625 с. [Kahneman D. *Think slowly ... decide quickly*. М.: AST. 2013; 625 p. (In Russ.)]

25. Лубовский В.И. *Развитие словесной регуляции действий у детей (в норме и патологии)*. М.: Педагогика. 1978; 224 с. [Lubovsky V.I. *Development of verbal regulation of actions in children (in normal and pathology)*. М.: Pedagogy. 1978; 224 p. (In Russ.)]

26. Петровский В.А. *Психология неадаптивной активности*. М.: МГУ. 1992; 45. [Petrovsky V.A. *Psychology of non-adaptive activity*. М.: MGU. 1992; 45. (In Russ.)]

27. Bartra R. *Society's fascination with the wild outsider. The artificial savage: Modern myths of the wild man*. Michigan. 1997; 3–52.

28. Лурия А.Р. *Маленькая книга о большой памяти*. М.: Наука. 1968; 57 с. [Luria A.R. *A small book about great memory*. М.: Nauka. 1968; 57 p. (In Russ.)]

29. Годфруа Ж. *Что такое психология*. В 2 т. Изд. 2-е, стереотипное. Пер. с франц. М.: Мир. 1996; 1: 496 с. [Godefroy J. *What is psychology*. In 2 vols. Ed. 2nd, stereotypical. Trans. Fr. М.: Mir. 1996; 1: 496 p. (In Russ.)]

30. Гримак Л.П. *Резервы человеческой психики*. М.: Ленанд. 1989; 238 с. [Grimak L.P. *Reserves of the human psyche*. М.: Lenand. 1989; 238 p. (In Russ.)]

31. Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V., Fogassi L. Premotor cortex and the recognition of motor actions. *Cognitive Brain Res.* 1996; (3): 131–141.

32. Rizzolatti G., Fogassi L., Gallese V. Mirrors in the mind. *Sci. Am. Band.* 2006; 295 (5): 30–37.

33. Gardner R.A., Gardner B.T. Comparative psychology and language acquisition. In: Sebok T.A., Sebok J.-U. (eds.) *Speaking of apes: A critical anthology of two-way communication with man*. New York: Plenum Press. 1980; 287–329.

34. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. М.: Политиздат. 1961; 20: 827 с. [Engels F. The Role of labor in the process of turning a monkey into a man. In: Marx K., Engels F. *Essays*. М.: Politizdat. 1961; 20: 827 p. (In Russ.)]

Поступила 10.02.2020; принята в печать 25.02.2020.